

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14682

EDN: WLSIUU

Деэстетизация слога и сакрализация слова в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди»

Г. В. Мосалева

*Удмуртский государственный университет
(г. Ижевск, Российская Федерация)*

e-mail: mosalevagv@yandex.ru

Аннотация. В статье предложено понимание первого романа Ф. М. Достоевского в контексте созданной писателем новой эстетики, суть которой выражается в намеренной деэстетизации повествования, создающей иллюзию безыскусности и косноязычия. Предметом художественной игры Достоевского в «Бедных людях» оказывается также изящная словесность в ее сентиментально-романтическом изводе, аксиология которого подвергается деканонизации. Застарелое «девичество», мечтательство главного героя романа, оторванное от коренных основ жизни, — такова авторская оценочная метафора некогда влиятельного стиля. Еще более низкая степень деградации романтического, подвергающаяся в романе Достоевского сатирическому изображению, — ратазьевская литература-«объяденье» — коммерческий продукт ловкого циника-литератора. Диалог Достоевского с Пушкиным и Гоголем ведется им в русле художественного соперничества. Автор соединяет в «Бедных людях» миры Гоголя и Пушкина, уравнивая иллюзорное и реальное. Гуманно-филантропическая тенденция или социальная тема, которую прижизненная писателю критика видела в романе, у Достоевского трансформируется в проблематику метафизического порядка, что будет способствовать развитию христианского реализма в дальнейшем творчестве писателя. «Бедные люди» в контексте социалистических утопий предстают как их художественное отрицание: Рай на земле невозможен, а пути его обретения в человеческом сердце Достоевским еще только нащупываются. Возникает спасительная мысль: человек для человека является Светом.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, новая эстетика, диалог, деэстетизация, сакрализация, слог, стиль, онтология

Для цитирования: Мосалева Г. В. Деэстетизация слога и сакрализация слова в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди» // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 113–138. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14682. EDN: WLSIUU

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14682

EDN: WLSIU Y

De-aesthetization of the Syllable and Sacralization of the Word in F. M. Dostoevsky's Novel "Poor People"

Galina V. Mosaleva

*Udmurt State University
(Izhevsk, Russian Federation)*

e-mail: mosalevagv@yandex.ru

Abstract. The article offers an understanding of F. M. Dostoevsky's first novel in the context of a new aesthetic created by the writer, the essence of which is expressed in the deliberate de-aestheticization of the narrative, producing the illusion of artlessness and tongue-tie. The subject of Dostoevsky's artistic play in "Poor People" also turns out to be fine literature in its sentimental and romantic interpretation, the axiology of which is being decanonized. The long-standing "maidenhood," daydreaming that is divorced from the fundamental foundations of the life of the novel's main character are the author's evaluative metaphor of the once influential style. Rataziev's "delicious" literature, the commercial product of a clever cynical writer represents even greater degradation of the romantic, satirically depicted in Dostoevsky's novel. Dostoevsky conducts his dialogue with Pushkin and Gogol in the framework of artistic rivalry. The author combines the worlds of Gogol and Pushkin in "Poor Folk," balancing the illusory and the real. The humane and philanthropic tendency or the social theme, which the writer's lifetime critics saw in the novel, is transformed by Dostoevsky into a metaphysical issue, which will contribute to the development of Christian realism in the writer's future work. In the context of socialist utopias, "Poor folk" appear as their artistic negation: paradise on earth is impossible, and Dostoevsky is only searching for ways to find it in the human heart. A saving thought arises: man is the Light for man.

Keywords: F. M. Dostoevsky, new aesthetics, dialogue, de-aestheticization, sacralization, syllable, style, ontology

For citation: Mosaleva G. V. De-aesthetization of the Syllable and Sacralization of the Word in F. M. Dostoevsky's Novel "Poor People". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2025, vol. 23, no. 1, pp. 113–138. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14682. EDN: WLSIU Y (In Russ.)

.....

Очинка пера. Новая эстетика Достоевского

«Очинка пера» Девушкиным, демонстрируемая им в письме от 8 апреля, является своеобразным символическим жестом, означающим начало литературного пути и проявляющим себя в дальнейшем как транспоэтический: он характерен для ранних повестей Достоевского. Этот «жест» Достоевский наследовал из гоголевской поэтики («очиняют перо» Башмачкин, Поприщин) и расширил его семантику. В «Слабом сердце» Достоевский развивает мотив «ускорения пера» как идею прогресса в художественном творчестве, сводящую с ума Васю Шумкова.

У Достоевского, как правило, любая идея или образ антонимичны. Помимо светлой идеи очинки пера, связанной с сочинительством, в поэтике раннего Достоевского содержится и противоположная ей идея. Кроме Девушкина, «чинят перо» и его антагонисты: чиновники-процентчики, имеющие отличную репутацию на службе: У Емельяна Ивановича — «перо <...> — чистый английский почерк», хоть он и «настоящим медведем смотрит» [Достоевский; т. 11: 71].

Роман «Бедные люди» при внимательном чтении открывается как произведение о литературе, о смысле художественного творчества, о соединении литературы и жизни. Роман предлагает *новую эстетику письма*, утверждающую себя в форме «демонстративной нелитературности "слога"» [Захаров, 1985: 124], слога не рационального, а простого и сердечного. Такая традиция связана с восточно-христианской (церковной) словесностью, а не с западно-европейской (светской) литературой. В «Бедных людях» словно развиваются несколько сюжетов, входящих в конфликт между собой: сюжет подлинной скорбной жизни и различные литературные сюжеты разных авторов и стилей. Настоящая жизнь без эстетического глянца воплощается в непосредственном повествовании, далеком от литературного вымысла. Жизнь у Достоевского тождественна *неловкому* незавершенному письму: «...Как ловко описано всё!» — характеризует Девушкин пушкинскую манеру в «Станционном смотрителе» [Достоевский; т. 1: 59].

Большинство критиков, начиная с Белинского, среди главных недостатков романа выделяли его «многословность,

растянутость»¹. Однако эти упреки Достоевский не принимал на свой счет:

«Роман находят растянутым, а в нем слова лишнего нет» [Достоевский; т. 28, кн. 1: 117–118].

Установка на неэстетизм повествования потребовала от начинающего писателя еще большего его усложнения. В результате чего литературная мистификация Достоевскому удается: часть критиков, комически обыгрывая название романа («бедные русские читатели!» [Достоевский; т. 1: 472]), приняла героя-неудачника за автора. Предметом иронии для О. И. Сенковского стала и сама фамилия героя, якобы скрывавшая «женское авторство»: «Бедный молодой человек!... (а я, признаться сначала думал, что автор "Бедных людей", не молодой человек, а молодая особа, и теперь еще не совсем уверен, что он не девушка, — чего прошу не принимать в укоризну — это своего рода похвала!)... бедный молодой человек!» [Замотин: 7–8].

Между тем «девичество» героя — сознательная установка автора. Девушкин предстает как своего рода безвольный мечтатель, «подкаблучник» (неслучайно тип Девушкина соотносится с Башмачкиным), поскольку мужское волевое начало олицетворяет Варенька. «Бедность» в сознании самого Девушкина тоже ассоциируется с «девичеством»:

«...у бедного человека <...> самый стыд, как и у вас, примером сказать, девический» [Достоевский; т. 1: 69].

Варенька в конце романа превращается в помещицу Варвару Алексеевну Быкову, но в своем последнем письме она просит Девушкина не забывать «своей» — именно «бедной Вареньки», той, которой она уже не будет, если иметь в виду безденежье и ее прежний социальный статус. Получается, что «бедность» в самооценке героини имеет в себе нечто неизмеримо ценное.

Повод заподозрить «женское авторство» романа давал критике и сам «чувствительный» стиль писем Девушкина с обилием уменьшительно-ласкательных словесных форм, по поводу которых среди других иронизировал и Н. В. Кукольник: «И уж в этом

¹ Белинский В. Г. «Бедные люди». Роман Федора Достоевского // Современник. 1848. Т. VII. Отд. III. С. 43.

романе уменьшительным нет никакой пощады. Это лексикон, справочное место уменьшительных» (цит. по: [Замотин: 7]).

Герой поверяет Вареньке, поначалу стесняясь и словно юродствуя, литературные мечты о выходе в свет книжки «Стихотворения Макара Девушкина». Он воображает, как люди, указывая на него, говорили бы:

«...вот де идет сочинитель литературы и *пиита* Девушкин...» (курсив мой. — Г. М.) [Достоевский; т. 1: 53].

Себя как поэта Девушкин называет «пиитой», употребляя устаревшую форму слова, имеющую окончание женского рода. Образ «сентиментально-романтической литературы», создаваемый Достоевским в «Бедных людях», носит «девический» характер и является олицетворением образа Девушкина. Стиль письма Девушкина «карамзинский», чувствительный, с обилием междометий «ах!», спровоцировавших в свое время появление литературных прозвищ Карамзина: Ахалкин, Сердечкин [Лотман: 209].

«Ах, маточка, маточка!»; «Ах, зачем» [Достоевский; т. 1: 107]; «Ах, Господи, Господи!», «Ах, родная моя...» [Достоевский; т. 1: 108].

Девушкин — целомудрен, но в доме его дразнят Ловеласом, когда находят черновое письмо к Вареньке, оброненное им, что обнаруживает «подпольные» мечты героя.

Жизнь и сердечные переживания воспитывают чувство слога Девушкина. Последнее, «слезное» письмо пишет уже и не он — *оно само пишется*:

«Ведь вот я теперь и не знаю, что это я пишу, никак не знаю, ничего не знаю, и не перечитываю, и слогу не выправляю, а пишу только бы писать, только бы вам написать побольше...» [Достоевский; т. 1: 108].

Получается, творчество — это некий таинственный процесс, где автору отведена роль скриптора, но не безучастного, а вовлеченного в процесс передачи письма не рационально, а интуитивно.

Косноязычное по форме повествование, предложенное Достоевским, призвано было оспорить установку литературы на элитарность и авторскую прагматику, создать впечатление

подлинной жизни. За имитацией косноязычия скрывалось литературное мастерство начинающего писателя. Первый роман Достоевского включает в себя пятьдесят пять писем: тридцать одно письмо принадлежит Макару Девушкину и двадцать четыре — Вареньке. Девушкин отправляет в иные дни по два или три письма. Читатель попеременно окунается то в мир непосредственной «нехудожественной» речи героя-чиновника, то в народно-поэтическую стихию письма Вареньки, что способствует ощущению стиливого равновесия. Передатчицей писем между Макаром Алексеевичем Девушкиным и Варварой Алексеевной Доброселовой является работница с иностранным именем *Тереза*.

Помимо нее, непосредственной участницей эпистолярного топоса является Федора — хозяйка снимаемой для Вареньки квартиры. Девушкин отзывается о Федоре по-разному, в зависимости от ее роли в тех или иных событиях его жизни. Имя Федоры, по наблюдению Т. И. Печерской, совпадает с именем Достоевского, она играет существенную роль в сюжете Вареньки и Девушкина, выступая сверхперсонажным образом [Печерская]. После отъезда Вареньки Девушкин поселяется в ее комнате, где в верхнем ящике комода хранятся его письма. Поэтика «автобиографического» [Баршт] проявляется и в распространенности в романе имени «Федор» [Печерская], неоднократно варьирующегося в именах героев: в отчестве злодейки Анны *Федоровны*, в имени цензора *Федора Федоровича*.

В письмах Вареньки Девушкин отмечает ее «художественное мастерство»:

«... всё это вы очень хорошо описали. А вот у меня так нет таланту» [Достоевский; т. 1: 46].

Макар ожидает, что Варенька опишет прогулку на острова «настоящими стихами» [Достоевский; т. 1: 46], хотя сам обижается на юмор Вареньки в отношении поэтического пафоса своего первого письма:

«А насчет стишков скажу я вам, маточка, что неприлично мне на старости лет в составлении стихов упражняться. Стихи вздор! За стишки и в школах теперь ребятишек секут...» [Достоевский; т. 1: 20].

Вместе с тем Девушкин отстаивает и свое право переписывать:

«Что, грех переписывать, что ли?» [Достоевский; т. 1: 47]; «Ну, слогу нет...» [Достоевский; т. 1: 48].

Отсутствие слога позволяло Девушкину, по замечанию В. Н. Захарова, «говорить обо всем» [Захаров, 1985: 124] и не смущаться своим статусом дебютанта.

Круг чтения автора и героя

Эпиграфом к «Бедным людям» Достоевский берет фрагмент из «Живого мертвеца» В. Одоевского, серьезно повлиявшего на раннего Достоевского [Гонсалес]. Недовольство «сказочниками» озвучивается злым персонажем повести, *живым мертвецом* Василием Кузьмичом, виновником разрушения судеб многих героев. «Сказочниками» он называет авторов, разоблачающих таких, как он. *Страшные* фантастические сказки рассказывает хозяйка-старушка в квартире Девушкина. В результате рождается метафизическое повествование Достоевского, в котором реальность фантастичнее любого литературного жанра, в том числе и сказки.

Круг чтения Достоевского и Девушкина различен. В письмах времени работы над «Бедными людьми» Достоевский называет в качестве авторитетов для себя Гомера, Шиллера, Гофмана, Шекспира, Бальзака. Авторские литературные предпочтения в большей степени совпадают с предпочтениями Вареньки, знакомящей Девушкина со «Станционным смотрителем» Пушкина и «Шинелью» Гоголя.

В круг чтения Девушкина входят «Картина человека» А. Галича (1834), «Мальчик, наигрывающий разные штуки колокольчиками» Ф. Г. Дюкре-Дюминия (в рус. пер. «Маленький звонарь», 1809), «Ивиковы журавли» — баллада Шиллера в переводе Жуковского (1813), то есть литература сентиментально-романтическая. Девушкин не различает вершинное от маргинального, массового чтения. У него отсутствует иерархия литературного вкуса. Он восхищается «творениями» из «Итальянских страстей» Ратазьева о графине Зинаиде, делает выписки из повести «Ермак и Зюлейка» (из времен Ивана Грозного),

из повести об Иване Прокофьевиче Желтопузе и Прокофии Ивановиче, в наивно-восторженном описании Девушкина предстающей как пародия на гоголевский «Миргород».

Литературным кумиром Девушкина выступает Ратазьев — «чиновник по литературной части», живущий в одном доме с главным героем и устраивающий «сочинительские вечера». Для Ратазьева — литература — чистая коммерция: за лист он берет по триста рублей; за анекдотец или из любопытного — по пятьсот; и по тысяче иной раз. За стишков тетрадочку — «семь тысяч просит» [Достоевский; т. 1: 51–52]. Ратазьев имеет «перо бойкое» и «слогу пропасть». Ратазьевская литература носит кулинарный — «объяденье» — и флористический характер:

«Прелесть такая, цветы, просто цветы; со всякой страницы букет вяжи!» [Достоевский; т. 1: 51].

Девушкин переписывает Ратазьеву «кое-что», отпуская ему сомнительные комплименты:

«...бесподобный писатель...», «Петля этот Ратазьев!» [Достоевский; т. 1: 51, 54].

«Чиновник по литературной части» олицетворяет собой тип ловкого «продажного писателя», для которого главное в сочинительстве — цена произведения. Девушкин же, с одной стороны, выступает против пошлости, чтобы наиважнейшей добродетелью гражданской считать, как Евстафий Иванович, умение «деньгу... зашибить» [Достоевский; т. 1: 47], а с другой — не прочь воспользоваться примером Ратазьева. В пору ученичества Девушкин мечтает переписывать «разные бумаги разным литераторам» [Достоевский; т. 1: 74], причем мечты Девушкина облакаются в конкретные цифры. В своих мечтах о сорока рублях Девушкин распределяет «незаработанное»:

«...двадцать пять отлагаю на вас, Варенька...» [Достоевский; т. 1: 74].

В письмах Достоевского этого времени постоянны упоминания о материальной стороне литературы. Однако вопрос о писательстве у Достоевского был связан не только с ней, но и с мыслью о предназначении, выборе своего пути.

Стремясь воспитать литературный вкус Девушкина, Варенька отправляет ему «Повести Белкина», а затем «Шинель». «Станционный смотритель» вызывает у героя восторг: «...словно сам написал»; «...это натурально! это живет!»; Самсон Вырин — «горемыка сердечный»; «...это вот всё около меня живет; вот хоть Тереза <...> наш бедный чиновник <...> Горшков» [Достоевский; т. 1: 59]. В «Бедных людях», по образному определению К. Мочульского, Достоевский противопоставляет «дух Пушкина» «духу Гоголя», «пушкинское сердце» — «мертвой гоголевской маске» [Мочульский]. Нам кажется, точнее говорить о соединении, причем, скорее всего, бессознательном для раннего Достоевского. Примечательно, что одним из знаковых поздних произведений Достоевского является его очерк «Пушкин» (1880) — свидетельство выбора писателем в конце пути «духа Пушкина».

Участвует в обсуждении «Станционного смотрителя» и Ратзаев:

«...это всё старое <...> теперь всё пошли книжки с картинками и с разными описаниями...» [Достоевский; т. 1: 60],

считая себя прогрессивнее Пушкина, но вынужденно признавая его значение и явно цитируя с чужого голоса:

«...Пушкин хорош <...> он святую Русь прославил...» [Достоевский; т. 1: 60].

Пушкинский сюжет о «бедной Дуне» преломляется и в сюжете «бедной Вареньки» Достоевского: она также покидает отца, выбирая замужество, что улучшает ее материальное положение и повышает социальный статус. В ситуации с Варенькой вполне может не сбыться и прогноз Девушкина, что ее «там в гроб сведут» [Достоевский; т. 1: 107], — так же, как не сбылось пророчество Самсона Вырина о гибели его «бедной овечки», где он проявляет себя как законник, не допускающий счастливого финала [Есаулов]. Жизненная ситуация с сестрой Достоевского, ее брак с Карепиным, разрешилась благополучно. Карепин, по воспоминаниям Андрея Михайловича, младшего брата Достоевского, был «добрейшим человеком» [Достоевский А. М.].

Достоевский в «Бедных людях», по мнению К. Мочульского, «соединяет жанр Гоголя с жанром Карамзина» [Мочульский].

В качестве «ближайшего источника» для «Бедных людей» обычно называют гоголевскую «Шинель» [Ветловская]. Действительно, влияние гоголевской «Шинели» на первый роман Достоевского очевидно, хоть Девушкин и ополчается на ее автора. Гоголь, вне его связи с какой-либо школой, — главный ориентир для начинающего Достоевского в литературе. Как писал И. И. Замотин, «Гоголь навсегда останется <...> отцом» Достоевского по творчеству [Замотин: 3]. Характер же отношения Достоевского к Гоголю критика определяла по-разному: то как подражание, то как соперничество, то как любовь-ненависть [Мочульский]. Помимо «Шинели», в «Бедных людях» есть аллюзии на другие произведения Гоголя:

«...его превосходительство мною довольны...»; «...после этого и жить себе смирно нельзя, в уголочке своем <...>, чтобы и в твою конуру не пробрались да не подсмотрели...»; «...под *самым носом твоим* (курсив мой. — Г. М.) <...> испечет тебе пасквиль»; «...приятно видеть свою ногу в тонком щегольском сапоге...»; «...как Федор-то Федорович без внимания книжку такую пропустили...» [Достоевский; т. 1: 62]; «...боишься *нос* (курсив мой. — Г. М.) подчас показать...», «...и вот уж вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературе ходит...» [Достоевский; т. 1: 63].

Как видим, в филиппике Девушкина присутствует не только «Шинель», но и «Нос» Гоголя.

Девушкин предлагает другой конец повести — моралистический, чтобы «зло было бы наказано, а добродетель восторжествовала бы, и канцеляристы-товарищи все бы ни с чем и остались» [Достоевский; т. 1: 63]. Жажда «счастливого конца», «торжества добродетели» свойственна искаженному (протестантскому) пониманию Евангелия, опровергаемому самим финалом «Бедных людей». «Шинель» представляется Девушкину «злонамеренной книжкой», на которую «надо жаловаться», так как в ней, по его мнению, все «неправдоподобно».

Наслушавшись литературных разговоров в «кружке Ратазьева», в письме от 26 июня Девушкин начинает и сам высказывать суждения о литературе:

«Глубокая вещь! <...> ...укрепляющая, поучающая <...>, картина и зеркало; <...> *поучение к назидательности* и документ» (курсив мой. — Г. М.) [Достоевский; т. 1: 51].

Достоевский, конечно же, был далек от такого позитивистского отношения к литературе.

В сюжете «Бедных людей» Варенька выступает для Девушкина учительницей литературы, помогая ему отличать подлинное от низкопробного: она отсылает ему обратно присланную им «пренегодную книжонку» и просит прислать ей «какие-нибудь книги», только «не от Ратазьева», не понимая, как Девушкину могут нравиться «такие пустяки».

Переписка для Девушкина — смысл существования, возможность сердечного общения с понимающим и сочувствующим человеком. Письмо для него тождественно жизни, оно имеет цель в самом себе, поскольку ни на что не претендует. Однако мечты Девушкина — жить с Варенькой «вдвоем согласно и счастливо» и «заниматься литературой» — эфемерны. Он уговаривает ее остаться, шантажирует, что утопит в Неве, умрет [Достоевский; т. 1: 58]. Фраза Девушкина повторяет почти буквально строки Достоевского из письма к старшему брату Михаилу Достоевскому в начале сентября 1845 г.: «А не пристрою романа, так, может быть, и в Неву» [Достоевский; т. 28, кн. 1: 110], — являющиеся подтверждением особого статуса Вареньки как олицетворенной литературной мечты Девушкина.

Варенька же письму предпочитает шитье. Это настоящая работа для нее, по-своему творческая, она приносит независимость, дает шанс выжить и сохранить себя. Она пишет письма только тогда, когда нет работы или возможности работать (болезнь, несчастный случай).

Варенька вышивает ковер для продажи, кроит жилетку Девушкину, переменяет ленты на шляпке, предлагает Макару Алексеевичу взамен старого вицмундира «в заплатках» «дешево» купить «форменный» (явная аллюзия на Плюшкина — героя первого тома «Мертвых душ»: «А, заплатанной, заплатанной! — воскликнул мужик») [Гоголь: 106].

Мечты Девушкина о высоком: о любви, о спасении ближнего — рушатся в одночасье после его собственного падения — запоя. Сюжет падения героя «Бедных людей» в дальнейшем получит развитие в романе «Преступление и наказание» в связи с Мармеладовым, пьянство которого является причиной бесчестия и испытаний Сонечки. И даже ощущая себя «преступником»,

попирающим Божий Закон, страдая, в том числе из-за участи Сонечки, Мармеладов не может освободиться от своей страсти. Точно так же ведет себя и Девушкин, являя своим примером духовную незрелость, инфантилизм, в дальнейшем проявляющийся у всех негативных героев Достоевского. Варенька ни в чем не упрекает Девушкина. Не дождавшись от него помощи, она сама дважды посылает ему тридцать копеек серебром — все, что у нее остается [Достоевский; т. 1: 75].

Возвращаясь к суждению К. Мочульского о том, что в «Бедных людях» Достоевский «соединяет жанр Гоголя с жанром Карамзина» [Мочульский], заметим, что в случае с Карамзиным Достоевский отталкивается в большей степени не от «Бедной Лизы», а от «Истории государства Российского», где история царствования Рюриковичей переплетается с историей страстей и падений человеческих.

Сентиментально-романтическая литература предстает в «Бедных людях» как предмет иронической стиливой игры с ее сюжетами, мотивами и образами. Самый низкий род литературы, сатирически пародируемый в первом романе Достоевского, — гедонистическая «литература-объяденье», состряпанная на чужой манер сочинителем-торгашом.

Высокий смысл литературы как жертвенного христианского служения только намечается в «Бедных людях», поскольку слог начинающего писателя еще «формируется». В дальнейшем Достоевский станет последовательным критиком натурализма и жизнеподобия в искусстве. Примером тому является хотя бы эпизод из романа «Идиот», связанный с восприятием князем Мышкиным картины Гольбейна «Мертвый Христос». Цель искусства, как понимал ее Достоевский, — не изменять Евангелию, за Крестной жертвой Христа провозвещать Его Воскресение.

Трансформация социальной темы: идеи счастья, добра и проблема зла

Название романа Достоевского «Бедные люди», казалось бы, выдвигает на первый план социальную проблематику. Именно так восприняла по большей части первый роман Достоевского современная ему критика. Апологеты натуральной школы приветствовали ее развитие в романе Достоевского; представители

консервативного крыла иронизировали: «Не так Колумб обрадовался Америке, как наша современная литература открытию той мысли, что канцелярский чиновник тоже человек»².

Истоки социальной проблематики С. П. Шевырев связал с филантропической тенденцией, забредшей в «нашу словесность из чужих»: «Литература западная — высочайшую христианскую добродетель — любовь к ближнему, умела превратить в филантропическую тенденцию»³. По мысли критика, такое превращение значит «на самую добродетель наложить моду»⁴. А. А. Григорьев увидел в авторе «Бедных людей» еще большего «оправдателя и восстановителя всякой мелочной личности, всякого микроскопического существования», чем даже адепты натуральной школы, писателя, вдаввшегося в «сентиментальное поклонение добродетелям Макара Алексеевича Девушкина и Варвары Алексеевны Доброселовой» [Григорьев: 129].

Онтологическая глубина романа была воспринята значительно позднее. Одна из главных проблем «Бедных людей» — возможность достижения Рая на земле в контексте западных социалистических утопий. Эпитет «бедный» Достоевским отнесен не только к социально страждущим, низовым слоям общества, «безденежным» персонажам, но и ко всему бедному страждущему человечеству. Человек у Достоевского за редким исключением оказывается сам причиной своих бед.

Определенные «земные надежды» героев «Бедных людей» сбываются. Осуществляется материальная мечта Девушкина: он покупает «удивительные сапоги», как Башмачкин «шинель». И если в пору своей «бедности» он сравнивал себя с греческими мудрецами:

«И мудрецы греческие без сапог хаживали, так чего же нашему-то брату...» [Достоевский; т. 1: 81],

то теперь мудрости он предпочитает благополучие, приобретенное сочинительством, и даже становится апологетом ремесленничества:

² Шевырев С. П. «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым // Москвитянин. 1846. № 2. С. 186–187.

³ Там же. С. 170.

⁴ Там же. С. 171.

«...все мы, родная моя, выходим немного сапожники» [Достоевский; т. 1: 89].

Сложнее с Раем внутри себя. Мечты об «отчетливой» жизни Девушкин разрушает своим «падением», никто, кроме него, не виноват в том положении, в котором он оказывается. От переживаний Макар Девушкин впадает в пьянство, полиция привозит его на квартиру в нетрезвом виде. Однако он и в «падении» более сосредоточен на своей «амбиции», нежели на Вареньке, становясь косвенным виновником недостойного отношения к девушке сначала молодого офицера, а затем и его старика-дяди; окончательно запивает, сходится с подобным себе Емелей, некогда бывшим чиновником. С ролью «благодетеля» Девушкин явно не справляется. Если вначале он действительно помогает Вареньке: снимает квартиру, заботится, посылает подарки, — то вскоре ей приходится взять на себя весь груз материальных забот о спасении Девушкина. Неслучайно она дважды посылает ему тридцать серебряников, как предателю Иуде. Любое иллюзорное существование внутри себя обречено на катастрофу: жить, как в Раю, не получается.

Макару Девушкину сорок семь лет, на службе он с семнадцатилетнего возраста. Главный герой — дальний родственник Вареньки, настаивающий в письмах к ней на своем «отцовстве». «Макар» переводится как «блаженный», «счастливый». Значение имени героя оказывается созвучно одному из главных мотивов романа: поиску Рая, Счастья на земле. Письмо Девушкина от 11 сентября в полном смысле можно назвать *утопическим трактатом о счастье*. В нем Девушкин просит Вареньку «не разлучаться» с ним. Четырежды повторяется слово «счастлив»:

«...совершенно счастлив...»; «...буду вести себя хорошо и отчетливо...»; «...будем писать другу счастливые письма...»; «...будем жить вдвоем согласно и счастливо»; «Займемся литературою...» [Достоевский; т. 1: 94]; «...погода <...> замечательная...»; «...воздух стал посвежее немножко...»; «...купил удивительные сапоги»; «Прошелся по Невскому...»; «Пчелку» прочел [Достоевский; т. 1: 95]; «Впереди всё так светло, хорошо!»; «...на целый день счастлив» [Достоевский; т. 1: 96].

Девушкин заключает:

«Хорошо жить на свете, Варенька! Особенно в Петербурге» [Достоевский; т. 1: 96].

Преисполненный новыми надеждами, Девушкин обращается к Богу:

«...калялся <...>, чтобы простил мне Господь все грехи мои в это грустное время: ропот, либеральные мысли, дебош и азарт» [Достоевский; т. 1: 96].

Для Девушкина находится и дополнительная возможность заработка «у одного сочинителя», «по сорок копеек с листа» [Достоевский; т. 1: 99]. Он счастлив и ожидает, что его восприятие счастья разделит и Варенька.

Катастрофа настигает героев в состоянии благополучия: Девушкина — после подарка его превосходительством ста рублей и получения работы от Ратазьева по переписыванию, Горшкова — после оправдания и восстановления чести.

Вместо не-рая с Девушкиным и литературой Варенька выбирает не-рай с Быковым без литературы («...растолстею, как лепешка, <...> буду <...> как сыр в масле кататься» [Достоевский; т. 1: 101]. По словам Вареньки, замужество с Быковым — счастье:

«Конечно, я и теперь не в рай иду, но что же мне делать...?» [Достоевский; т. 1: 101].

В вопросе Вареньки звучит главная проблема: какой не-рай выбрать? И выбирает не-рай с Быковым, способный, прежде всего, «избавить <...> от позора», восстановить честь. Надежды Вареньки на доброту Быкова иллюзорны:

«Говорят, что Быков человек добрый...» [Достоевский; т. 1: 101].

При этом не называется источник этого сообщения. Это утверждение звучит сомнительно на фоне другого, сводящего на нет предыдущее: Быков «вчера побил приказчика дома, за что имел неприятности с полицией...» [Достоевский; т. 1: 103].

Быков хочет превратить Вареньку в помещицу, не похожую на «кухарку», но «серьги с жемчугом и изумрудами», которые он поначалу заказывает для нее, вскоре кажутся ему излишней тратой денег, и он отменяет свое приказание [Достоевский; т. 1: 104]. Эти поступки красноречиво говорят о нем как о человеке

крайностей, импульсивном и несдержанном, уверенном в своем праве карать и миловать. С появлением Быкова уют и порядок в квартире Федоры сменяются «беспорядком»:

«В доме у нас беспорядки ужасные»; «...Быков с нами не живет, так люди все разбегаются...» [Достоевский; т. 1: 103].

При Быкове вместо Федоры на первый выходит план мадам Шифон (явно «говорящая» фамилия, символизирующая торжество «галантерейного», материального отношения героев к жизни). Само повествование убыстряется. Варенька, подготавливаемая в бытовых хлопотах Быковым, заставляет и Девушкина бегать по ее поручениям к мадам Шифон. Ей становится не до литературы и «прекрасных воспоминаний». Пространство писем Девушкина и Доброселовой наполняется словами из области шитья: канза (платок), блонды, вышивка крошь (цветные нити), не гладь, а тамбур (выпуклый шов). Варенька передает через Девушкина указания для мадам Шифон: «...листки на пелерине шить возвышенно, усики и шипы кордонне» (обычный шов). И рефреном многократно мелькает слово «фальбала» (оборка), являющаяся символом фантастически изощренного материального мира, вытесняющего мир духовный, теплый, сердечный. Неслучайно в «фальбале» Девушкин видит своего главного «врага»: «...всё фальбалу-то проклятую...» [Достоевский; т. 1: 104].

Фамилия Доброселовой прочитывается как намек на героиню сентиментально-романтической литературы: добрую неотмирную селянку. Ее счастливые воспоминания связаны с деревней, Раем ее детства. Отпадение от личного Рая происходит в городе Петербурге (Петербургская сторона, Васильевский остров), который нетерпим и для Быкова, поскольку здесь живет его «негодный племянник», а Вареньку Быков выбирает еще и орудием мести. В результате жизненных перипетий Варенька должна уехать с Быковым в деревню, словно возвратиться в «детство». Однако степная деревня, куда ей предстоит отправиться, лишена идиллического пейзажа. Степь является символом открытого безмерного пространства, мира кочевников, где Быков будет «травить зайцев», а Вареньке предстоит войти

в чужой для нее мир, поэтому судьба ее так же загадочна и неоднозначна, как степь.

Несмотря на оправдание Горшкова и счастливое завершение его судебной истории, он внезапно («словно его громом убило!» [Достоевский; т. 1: 99]) умирает. Герой пережил смерть девятилетнего сына, клевету, бесчестие, лишился работы и средств к существованию, но не выдержал обрушившегося на него счастья. Безответность и кротость семейства Горшкова поражают Девушкина. Когда же «доброе имя» Горшкова восстанавливается, он, по наблюдению Девушкина, начинает вести себя горделиво: убирает руку Ратазьева со своего плеча.

В «Бедных людях» звучит мысль Достоевского о том, что на грешной земле невиновных нет. Эта мысль о трагизме человеческого существования, возможно, была воспринята Достоевским также через Карамзина. В наброске <Мысли об истинной свободе> 1826 г. Н. М. Карамзин писал:

«Либералисты! Чего вы хотите? Счастья людей? Но есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти? Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить наверху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание. Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к провидению!»⁵.

От социального к сакральному

Первый роман Достоевского открывается эпиграфом из художественного произведения, последний — евангельским стихом. После каторги Евангелие станет для Достоевского мерой всех вещей, а его художественные произведения будут больше соответствовать статусу словесности, чем литературы. Неслучайно тексты Достоевского называют художественной Библией, творческой проповедью Православия. По определению В. Н. Захарова, «художественная антропология Достоевского —

⁵ Карамзин Н. М. <Мысли об истинной свободе> [Электронный ресурс]. URL: <http://karamzin.lit-info.ru/karamzin/publicistika/mysli-ob-istinnoj-svobode.htm> (14.03.2024).

христианская» [Захаров, 2013: 154]. В письмах Макара Девушкина ученый видит «духовное возрождение человека в слове и словом» [Захаров, 2013: 156].

Роман «Бедные люди» начинается с ситуации переезда и новоселья, причем не только реальных, но и в каком-то смысле метафизических. Варенька на время перемещается «в рай», а Девушкин — в трущобы, напоминающие преисподнюю, в комнатку у кухни, где душно, шумно, дымно, нечисто, хозяйка которой — «ведьма». Герои живут в историческом Петербурге XIX в., где от сути христианских отношений в обществе осталась одна оболочка, форма. Свой новый дом Девушкин сравнивает с Ноевым ковчегом. Этот образ ветхозаветного спасения праведников Девушкин воспринимает как знак беспорядка, хаоса, как пространство гибели всего человеческого. «Ноев ковчег» для героя — это место, где «порядку не спрашивают» [Достоевский; т. 1: 16], выступающее как Анти-ковчег. Свой дом Девушкин уподобляет и Содому — месту разврата, в котором вынуждена существовать «семейственность». Если из Sodoma праведный Ной с семейством спасается на святом Ковчеге, то Девушкин оказывается на Ковчеге нечестивом. И выхода из этого ада для героя, казалось бы, не существует. Но обратим внимание на такую деталь. Описывая мебель в своей комнатке, Девушкин упоминает об образе:

«Поставил я у себя кровать, стол, комод, стульев парочку, образ повесил» [Достоевский; т. 1: 16].

Образ Христа соприсутствует в страданиях и страстях Девушкина и всех обитателей изображаемых Достоевским трущоб. Он появляется вначале как невербальный иконический символ, но его значение не становится от этого меньше. В дальнейшем имя Христа не однажды упоминается в письмах героев, как принятая в христианском обществе форма общения:

«Ну, прощайте же, прощайте. Христос с вами, голубчик мой» [Достоевский; т. 1: 54].

Однако при всей формальности словесных формул в переписке Девушкина и Вареньки всегда присутствует Другой. Подлинность их общения подтверждается присутствием в диалоге Ты еси.

Подлинное спасительное Слово Христа противопоставлено «литературе», с которой и выясняет отношения «блаженный» герой. Личность Христа выражается в романе и метафорически, в связи с евангельским образом винограда: «Я есть лоза истинная» (Ин. 15:1). Четвертое письмо Девушкин начинает с реплики о винограде:

«Посылаю вам винограду немного <...>, доктор рекомендует для утоления жажды, так только единственно для жажды» [Достоевский; т. 1: 25].

Девушкин посылает виноград заболевшей Вареньке, но значение этого жеста превышает буквальное. Герои «Бедных людей» — больные, страдающие люди, нуждающиеся в Исцелителе. «Болезни» героев перемежаются со смертями. В романе многочисленны образы гроба, мотивы смерти и воскресения, соединяющие в себе трагическое и обыденное: «хорошенький гробик» девятилетнего сына Горшкова; воображаемый собственный гроб Девушкина, за которым идет старуха-пошлепница, провожая героя в последний путь; гроб матери Вареньки. Обилие слов с «гробовой семантикой» словно приуготовляет героев к Пасхе и пению праздничного тропаря: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав».

Время событий охватывает период от весны до осени, к сентябрю: от Пасхи к Воздвижению Креста Господня, отмечавшегося по старому стилю 14 сентября. Предпоследнее письмо Девушкина датируется 20 сентября — это попразднество Креста Господня. Крест — один из главных символов христианства, означающий идею жертвенной Любви Спасителя. Филантропически-гуманистическому мировоззрению Достоевский противопоставляет православную идею жертвенной любви.

Храм для Девушкина — место встречи с Варенькой. Герои видятся в церкви, на всенощной и у обедни. Мысли о покаянии у Девушкина возникают, казалось бы, в связи с храмом («Мимо —ской церкви прошел, перекрестился, во всех грехах покался...» [Достоевский; т. 1: 77]), но они формальны, словно выставляются напоказ. Один из самых «презренных» персонажей, пьяница-отец Покровского обладает большей литургической чуткостью. В день рождения и во время отпевания сына он в храме, и его пребывание здесь искреннее.

Присутствует в романе и *мотив духовного воскресения*. Так, Девушкин воскресает через великодушный поступок его превосходительства — одаривание Девушкина ста рублями:

«...сами мне, соломе, пьянице, руку мою недостойную пожать изволили! Этим они меня самому себе возвратили. Этим поступком они мой дух воскресили...»; «потряс [руку], словно равне своей» [Достоевский; т. 1: 93].

Вместе с тем в одном из писем Девушкин сообщает, что и «его превосходительство изволили быть строгими» [Достоевский; т. 1: 105], то есть начальник показывается и великодушным, и гневным, что снимает идеализацию героя. Отец Покровского воскресает, благодаря помощи Вареньки в приобретении томиков Пушкина для подарка сыну.

Варенька более воцерковлена, чем Девушкин. Она заказывает обедни и панихиды по матери, присутствует в церкви на отпевании Петра, сострадает старику Покровскому в его горе. Ее благодарность имеет подлинно духовное измерение:

«Моя молитва будет вечно об вас»; «Вспоминайте о бедной вашей Вареньке...» [Достоевский; т. 1: 106].

Ее молитва, духовная жизнь связаны с памятью, воспоминаниями. Только после исчезновения Вареньки Девушкин в полной мере осознает ее духовное значение в своей жизни, и оно предельно высокое:

«Я вас, как свет Господень, любил...» [Достоевский; т. 1: 107].

Варенька оказывается источником небесного света и вдохновения Девушкина, неожиданно и бессознательно открывшего для себя закон духовной жизни: человек для человека должен быть «Светом Господним». По определению А. Ф. Лосева, «с именем мир и человек просветляется, осознается и получает самосознание» [Лосев]. Свет Господень — одно из имен Бога, благодаря которому для человека возможно божественное преображение. Отражением Света Господня становится не только Варенька для Девушкина, но и он сам для нее, и для отца Покровского его сын. Для Макара Алексеевича и для Горшкова — самых «отверженных» обществом героев — источником любви является Сам Господь. Оттого они и обретают высшие дары Бога человеку — смирение и кротость.

Бедных страдающих героев Достоевского сопровождают световые христианские образы. Умиравшего Петра Покровского провожают в вечную жизнь образы дневных лучей и находящейся у его изголовья лампадки как знаки присутствия Спасителя:

«...лучи бледного дня и <...> дрожащий свет лампадки, затепленной перед образом» (курсив мой. — Г. М.) [Достоевский; т. 1: 45].

Последнее желание героя — посмотреть на свет Божий, поднять оконные занавески. Пасхальностью отмечена и кончина Горшкова, неожиданно умирающего после своего счастливого оправдания, но духовно оживающего для Вечности. Перед смертью он беспрерывно благодарит Бога: «Слава Богу! Слава Богу!..» — и плачет от радости. Он «странно» улыбается, «словно мертвый» [Достоевский; т. 1: 98]. Пасхальное измерение как свойство парадоксальной поэтики романов Достоевского, по мысли В. Н. Захарова, является основной характеристикой христианского реализма [Захаров, 2023: 46].

Исследователи «Бедных людей» отмечали обилие *птичьих образов* в романе [Яблоков]. На наш взгляд, они имеют непосредственное отношение к представлениям о божественной космологии Достоевского. Согласно им, люди — это птенчики, выпавшие из Гнезда-Рая. Снятая Девушкиным для Вареньки квартира видится ему «гнездышком»:

«У нас вам тепло, хорошо, — словно в гнездышке приютились» [Достоевский; т. 1: 58].

Герою хотелось бы, чтобы пребывание Вареньки в «гнездышке»-рае было вечным.

Детские представления Вареньки тоже сродни «райским»: в письме от 3 сентября она вспоминает свое «золотое детство», где кричат «веселые птицы» [Достоевский; т. 1: 84].

Девушкин задумывается над вопросом, сформулированным в отрыве от христианского мировосприятия:

«Отчего вы, Варенька, такая несчастная?»; «Отчего это так всё случается, что вот хороший-то человек в запустенье находится, а к другому кому счастье само напрашивается?»; «...зачем одному еще во чреве матери прокакнула счастье ворона-судьба, а другой из воспитательного дома на свет Божий выходит? И ведь бывает

же так, что счастье-то часто Иванушке-дурачку достается» (курсив мой. — Г. М.) [Достоевский; т. 1: 86].

Девушкин подвергает ревизии аксиологию фольклорных представлений. «Счастье» ассоциируется у него с отрицательным в устном народном творчестве образом «вороны», а «юродство» Иванушки видится недостойным «доброты, красоты и учености» Вареньки [Достоевский; т. 1: 86].

Девушкин воспринимает Вареньку как неоперившегося «птенчика»:

«...птенчик мой...» [Достоевский; т. 1: 74].

Вместе с тем герой боится, что она из птенчика превратится в сильную самостоятельную птицу, страшая ее птицами-хищниками:

«...помоги я вам <...>, так вы тогда у меня улетите, как пташка из гнездышка, которую совы-то эти, хищные птицы заклевать собрались» [Достоевский; т. 1: 73].

Уход Вареньки не вписывается в придуманный им сюжет о беспомощной птичке, которая может опереться лишь на него.

Симпатию Девушкина вызывают беспомощные люди-птенчики:

«...мальчик, словно птенчик, из разбитого гнездышка выпавший» [Достоевский; т. 1: 87].

Тереза представляется ему «общипанным, чахлым цыпленком» [Достоевский; т. 1: 23]. Описывая атмосферу дома, Девушкин замечает, что *чижики* в нем «так и мрут. Мичман уж пятого покупает, — не живут в нашем воздухе, да и только» [Достоевский; т. 1: 22]. Себя Девушкин тоже сравнивает в зависимости от обстоятельств с разными птицами. При удачных обстоятельствах — с «ясным соколом»:

«Встал я сегодня таким ясным соколом <...>, птички чирикают <...>, всё в порядке, по-весеннему» [Достоевский; т. 1: 14];
«И в должность-то я пошел сегодня таким гоголем-щеголем...» [Достоевский; т. 1: 19].

Свое постоянное житье-бытье Девушкин уподобляет жизни глухаря:

«...я жил таким глухарем...» [Достоевский; т. 1: 16].

После пьяного дебоша сопоставляет себя то с медвежонком, то с воробьем: в присутствии сидел «таким медвежонком, таким воробьем ощипанным» [Достоевский; т. 1: 69]. Однако в глубине души Девушкин мечтает и сам быть «хищной птицей»:

«...зачем я не птица, не хищная птица!» [Достоевский; т. 1: 14].

«Птичьи фантазии» Девушкина разрушают его сослуживцы, приземляя его сравнением с «крысой»:

«Эта, дескать, крыса чиновник переписывает!» [Достоевский; т. 1: 47].

Переписка позволяет герою подняться над землей, восстановить в себе образ Божий, предстает как одно из условий физического и духовного выживания. К концу переписки область эмпирического общения между героями неудержимо сокращается. Единственной ценностью, над которой никто не властен, оказываются воспоминания и духовное общение — то, что нельзя запретить или устранить. Последнее, едва начатое Варенькой письмо, свидетельствует о незавершенности жизни как письма. Героиня призывает Девушкина «мысленно» «услышать» или «прочесть» все, что Варенька могла бы написать Девушкину. Выполнив свою миссию по формированию слога у Девушкина, героиня перешагивает «рамки» эпистолярного повествования и уходит из него, оставляя его наедине с Литературой.

Герой-повествователь в финале тоже меняет свой статус: он уже не просто титулярный советник, а сочинитель, длящий переписку ради сохранения хотя бы одной возможности одухотворенного общения:

«Ведь вот я теперь и не знаю, что это я пишу, никак не знаю, ничего не знаю, и не перечитываю, и слогу не выправляю, а пишу только бы писать, только бы вам написать побольше...» [Достоевский; т. 1: 108].

Литературная маска «неуча», самозванца на поприще сочинительства выполнила свое предназначение и уже неуместна. Она помогла начинающему Достоевскому обрести свой путь в литературе, устремленный к восстановлению диалога человека с Богом.

Список литературы

1. Баршт К. А. Достоевский: этимология повествования. СПб.: Нестор-История, 2019. 456 с.
2. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» [Электронный ресурс]. URL: <https://pushkinskiydom.ru/wp-content/uploads/2018/02/Vetlovskaya-V.-E.-Bednye-lyudi.pdf> (14.03.2024).
3. Гоголь Н. В. «Мертвые души» // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. М.: Изд-во Московской патриархии; Киев: [б. и.], 2009. Т. 5. 674 с.
4. Гонсалес А. А. «Живой мертвец» и «Двойник», или Еще раз о фантастике Достоевского (из наблюдений переводчика) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. Вып. 4. С. 170–183 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482757961.pdf (31.03.2024). EDN: XEGNRB
5. Григорьев А. А. Гоголь и его последняя книга // Возвращенная критика XIX века: антология. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2009. С. 120–141.
6. Достоевский А. М. Воспоминания [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_a_m/text_1896_vospominania.shtml?ysclid=ltufmkd7lo221199443 (01.03.2024).
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
8. Есаулов И. А. О Сокровенном смысле «Станционного смотрителя» А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 25–30 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457947949.pdf (28.03.2024). EDN: PIXFGR
9. Замотин И. И. Достоевский в русской критике. Варшава: Тип. Окр. штаба, 1913. Ч. 1: 1846–1881. 333 с.
10. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 209 с.
11. Захаров В. Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 150–164 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (31.03.2024).
12. Захаров В. Н. Пасхальное измерение медицинской темы Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 3. С. 46–61 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1694502327.pdf (28.03.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2023.12764. EDN: NMSZOT
13. Лосев А. Ф. Вещь и имя [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/losev_af/veshch_i_imya.html (28.03.2024).
14. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 338 с.
15. Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество [Электронный ресурс]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/mochulskij-dostoevskij-zhizn-i-tvorchestvo/index.htm> (28.03.2024).
16. Печерская Т. И. Загадочная Федора (об одной из авторских проекций в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди») [Электронный ресурс]. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=26&id=1> (21.03.2024).

17. Яблоков Е. А. Сын девушки, ставший словом (Мифопоэтические мотивы романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди») [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eajablokov.ru/article1.html> (21.03.2024).

References

1. Barsht K. A. *Dostoevskiy: etimologiya povestvovaniya* [Dostoevsky: The Etymology of the Narrative]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019. 456 p. (In Russ.)
2. Vetlovskaya V. E. *Roman F. M. Dostoevskogo "Bednye lyudi"* [F. M. Dostoevsky's Novel "Poor People"]. Available at: <https://pushkinskiydom.ru/wp-content/uploads/2018/02/Vetlovskaya-V.-E.-Bednye-lyudi.pdf> (accessed on March 14, 2024). (In Russ.)
3. Gogol' N. V. "Dead Souls". In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Gogol N. V. The Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, The Moscow Patriarchate Publ., Kiev, 2009, vol. 5. 674 p. (In Russ.)
4. Gonsales A. A. "The Living Corpse" and "The Double", or Once Again About the Fantastika of Dostoevsky (Based on the Observations of the Translator). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2016, issue 4, pp. 170–183. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482757961.pdf (accessed on March 31, 2024). EDN: XEGNRB (In Russ.)
5. Grigor'ev A. A. Gogol and His Last Book. In: *Vozvrashchyonnaya kritika XIX veka: antologiya* [Returned Criticism of the 19th Century: Anthology]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2009, pp. 120–141. (In Russ.)
6. Dostoevskiy A. M. *Vospominaniya* [Memoirs]. Available at: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_a_m/text_1896_vospominania.shtml?ysclid=ltufmkd7lo221199443 (accessed on March 1, 2024). (In Russ.)
7. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
8. Esaulov I. A. On the Sacred Meaning of "Station Master" by Alexander Pushkin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 25–30. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457947949.pdf (accessed on March 28, 2024). EDN: PIXFGR (In Russ.)
9. Zamotin I. I. *Dostoevskiy v russkoy kritike* [Dostoevsky in Russian Criticism]. Warsaw, tipografiya Okruzhnogo shtaba Publ., 1913, part 1: 1846–1881. 333 p. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo: tipologiya i poetika* [Dostoevsky's Genre System: Typology and Poetics]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1985. 209 p. (In Russ.)
11. Zakharov V. N. Dostoevsky's Poetic Anthropology. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, issue 11, pp. 150–164. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (accessed on March 31, 2024). (In Russ.)

12. Zakharov V. N. The Easter Dimension of Dostoevsky's Medical Theme. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 46–61. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1694502327.pdf (accessed on March 28, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2023.12764. EDN: NMSZOT (In Russ.)
13. Losev A. F. *Veshch' i imya [The Thing and the Name]*. Available at: https://royal-lib.com/book/losev_af/veshch_i_imya.html (accessed on March 28, 2024). (In Russ.)
14. Lotman Yu. M. *Sotvorenie Karamzina [The Creation of Karamzin]*. Moscow, Kniga Publ., 1987. 338 p. (In Russ.)
15. Mochul'skiy K. *Dostoevskiy. Zhizn' i tvorchestvo [Dostoevsky. Life and Works]*. Available at: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/mochulskij-dostoevskij-zhizn-i-tvorchestvo/index.htm> (accessed on March 28, 2024). (In Russ.)
16. Pecherskaya T. I. *Zagadochnaya Fedora (ob odnoy iz avtorskikh proektsiy v romane F. M. Dostoevskogo "Bednye lyudi") [The Mysterious Fedora (About One of the Author's Projections in the Novel by F. M. Dostoevsky "Poor People")]*. Available at: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=26&id=1> (accessed on March 21, 2024). (In Russ.)
17. Yablokov E. A. *Syn devushki, stavshiy slovom (Mifopoeticheskie motivy romana F. M. Dostoevskogo "Bednye lyudi") [The Girl's Son Who Became a Word (Mythopoetic Motifs of the Novel by F. M. Dostoevsky "Poor People")]*. Available at: <http://www.ejablokov.ru/article1.html> (accessed on March 21, 2024). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мосалева Галина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы, Удмуртский государственный университет (ул. Университетская, д. 1, корп. 2, г. Ижевск, Российская Федерация, 426034); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5342-7305; e-mail: mosalevagv@yandex.ru.	Galina V. Mosaleva, PhD (Philology), Professor of the Department of History of Russian Literature and Literary Theory, Udmurt State University (ul. Universitetskaya 1/2, Izhevsk, 426034, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5342-7305; e-mail: mosalevagv@yandex.ru.
---	---

Поступила в редакцию / Received 20.10.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 13.01.2025

Принята к публикации / Accepted 20.01.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025